

вершеннолетнему лицу без их личной встречи будут способствовать обеспечению охраны психического здоровья несовершеннолетних потерпевших (свидете-

лей) и в то же время позволит обвиняемому реализовать свое право на оспаривание показаний свидетельствующего против него лица.

Галимов О.Х.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Сибирский институт бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск),
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск),
судья Красноярского краевого суда в почетной отставке

Особенности реализации положений статьи 191 УПК РФ при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних

Принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» ознаменовало важнейший шаг в обеспечении процессуального статуса как несовершеннолетних потерпевших, так и свидетелей, не достигших 18-летнего возраста.

В частности, изменения ст. 45, 191, 281 УПК РФ, призванные расширить возможности защиты прав и законных интересов указанных лиц, затронули несколько важных аспектов уголовного судопроизводства, на которые давно обращали внимание специалисты.

Это касается новых подходов:

– к оформлению процессуального статуса законного представителя свидетеля и представителя несовершеннолетнего потерпевшего;

– к регламентации порядка следственных действий, связанных с получением от несовершеннолетних свидетелей и потерпевших определенной информации, и круга участников таких следственных действий (ограничение протяженности допроса для различных возрастных групп, участие психолога, в том числе в обязательном порядке, для лиц, не достигших 16

лет, обязательность ведения видеозаписи и кино съемки);

– к требованиям исследования и оценки доказательственного значения указанной информации в ходе судебного разбирательства без участия ее источника.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что ряд нововведений имеет прямого адресата – несовершеннолетнего потерпевшего, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности (ч. 2.1 ст. 45, ч. 4 ст. 191 УПК РФ).

Это объясняется тем, что данная категория несовершеннолетних нуждается в повышенной процессуальной охране в силу характера и последствий перенесенного насилия, является, как правило, единственным источником первоначальных доказательств по уголовному делу, что требует особого подхода к их оценке, и количество таких уголовных дел, к сожалению, имеет тенденцию к росту.

Так, по Красноярскому краю в 2018 г. при общем снижении преступлений в отношении детей, значительно возросло количество насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних – на 25,4%, а против половой неприкосновенности – на 28,6%¹. В 2019 г. по рассма-

¹ О состоянии работы и перспективных мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений с участием несовершеннолетних, охране их прав : постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 05.12.2018 № 162-кдн. URL: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/36436>.

триваемым показателям имело место снижение, но незначительное (около 2,0%)¹.

Вместе с тем обсуждаемые новеллы УПК РФ не в полной мере обеспечивают несовершеннолетних потерпевших и свидетелей надежными процессуальными гарантиями, а их реализация правоприменителем обозначила ряд проблем теоретического и практического характера.

Во-первых, законодатель по-прежнему не воспринимает законное представительство как единую форму защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, независимо от их процессуального положения, что порождает несоответствие правового регулирования процессуального статуса законного представителя и потерпевшего, с одной стороны, и подозреваемого (обвиняемого) – с другой.

Так, отдельные предписания относительно полномочий законного представителя потерпевшего и свидетеля содержат ст. 191 и 280 УПК РФ, а ч. 3 ст. 45 УПК РФ указывает на то, что законные представители потерпевшего имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица, в то время как применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и подсудимым полномочия законных представителей закреплены в двух самостоятельных статьях – 426 и 428 УПК РФ. При этом в п. 12 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, раскрывающем содержание понятия законного представителя, отсутствует упоминание о несовершеннолетнем свидетеле вообще. Представляется, что независимо от процессуальной функции представляемого лица необходимо наличие отдельной статьи УПК РФ, где было бы четко закреплено правовое положение законного представителя, который занимает основное место среди других участников уголовного судопроизводства, отстаивая здесь не только интересы ребенка, но и свои собственные.

Во-вторых, безусловно положительным шагом законодателя в защите прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего является обеспечение его

юридической помощью путем участия адвоката в качестве представителя с компенсацией оплаты труда последнего за счет средств федерального бюджета. Правда, это касается только несовершеннолетних потерпевших, не достигших 16 лет, и в отношении которых совершено преступление против половой неприкосновенности.

Однако возникает закономерный вопрос: а разве несовершеннолетние потерпевшие более старшего возраста или несовершеннолетние жертвы иных преступлений не должны иметь гарантированную государством защиту, в том числе право ходатайствовать об участии в деле адвоката, расходы на оплату труда которого берет на себя государство? Думается, ответ очевиден: конечно должны!

В-третьих, рассуждая об уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних, вольно или невольно всегда приходишь к необходимости сравнить особенности, которые законодатель предусмотрел для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, с одной стороны, и несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) – с другой. В связи с этим до 1 января 2015 г. и исследователя, и правоприменителя не покидало чувство неравного отношения законодателя к регламентации одних и тех же процессуальных действий с участием несовершеннолетних из различных указанных групп. Так, при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего 16 лет, предусмотрено обязательное участие педагога и психолога, в то время как при аналогичном следственном действии с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля привлекается только педагог и только в случае, если несовершеннолетний не достиг 14 лет. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ исправил этот недостаток правового регулирования, распространив участие и педагога, и психолога не только на допрос несовершеннолетнего, но и на производство очной ставки, предъявление для опознания и проверку показаний на месте.

¹ О принимаемых мерах по выявлению и предупреждению правонарушений совершаемых в отношении детей и эффективности принимаемых мер по профилактике и снижению случаев детской смертности : постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 25.07.2019 № 91-кдн. URL: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/39767>.

Однако законодатель и в этой части оказался непоследовательным:

– по-прежнему осталась в старой редакции ст. 280 УПК РФ, регламентирующая особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в судебном заседании (возраст менее 14 лет, только педагог);

– в УПК РФ также отсутствует понятие психолога, аналогичное изложенному в п. 62 ч. 1 ст. 5 УПК РФ понятию педагога, что не позволяет выработать на практике единые подходы к выбору данного специалиста.

В-четвертых, важным и позитивным с точки зрения процесса доказывания является введение в уголовный процесс обязательной видеозаписи или киносъемки при проведении допроса, очной ставки, предъявлении для опознания и проверке показаний на месте с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Действительно, видеофиксация, особенно по делам с участием несовершеннолетних, более полно, нежели протокол, передает воспринятую ребенком информацию и позволяет зафиксировать невербальные реакции допрашиваемого (эмоции, мимику, жесты, ритм и уверенность речи, реакцию на задаваемые вопросы и т.д.), а также позволяет наглядно воспроизвести ход и содержание следственного действия, чтобы оценить законность его производства, правильность и полноту составленного протокола.

Исключение из указанного правила, по мнению законодателя, может быть сделано только в случае, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель возражают против видеозаписи или киносъемки следственного действия.

По изученным уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 131-132 УК РФ, возраст потерпевших от 9 до 15 лет)¹ практически во всех случаях в материалах уголовного дела отсутствует отметка в протоколах допроса, что разъяснялся порядок применения технических средств при его проведении, однако при-

сутствует заявление законного представителя (100%) об отказе в применении технических средств при проведении всех следственных действий с участием несовершеннолетних. В одном из уголовных дел в протоколе допроса после изложения показаний несовершеннолетнего потерпевшего его законный представитель собственноручно указал, что не желает, чтобы использовалась аудио- и видеозапись допроса. Создается впечатление, что следователи заранее отбирают такие заявления, а в последнем случае вызывает сомнение, что возражение относительно использования видеозаписи были заявлены законным представителем до проведения следственного действия. Такая ситуация не соответствует п. 3 ч. 4 ст. 190 УПК РФ – заявления допрашиваемого лица по поводу проведения фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки вносятся в протокол, причем перед началом следственного действия, как того требует ч. 6 ст. 164 УПК РФ.

Кроме того, не основано на законе возражение относительно применения иных технических средств для фиксации показаний, в частности аудиозаписи. Так, ч. 5 ст. 191 УПК РФ предписывает, что применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Однако при производстве других следственных действий согласия несовершеннолетних и законных представителей не требуется, решение принимает следователь или суд (ч. 4 ст. 189 УПК РФ).

При этом остается неразрешенным вопрос: как защитить несовершеннолетних, которые дали согласие на видеозапись. Так, по таким уголовным делам в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ возможно проведение закрытого судебного заседания. Но в соответствии с п. 13 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ обвиняемый и его защитник вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выпи-

¹ Были изучены более 50 уголовных дел, рассмотренных судами Красноярского края.

сывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет

копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.

Молунова Н.И.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о пределах физического принуждения при производстве процессуальных действий

В современной России как в государстве, развивающем демократическое общество, где основной ценностью и приоритетным направлением его деятельности признается защита прав и свобод человека и гражданина, все отрасли права ориентированы на правовое, соразмерное совершению деликту использование государственного принуждения. Не является исключением и уголовно-процессуальная отрасль права, рассматривающая институт принуждения через призму принципов уголовно-процессуального законодательства, которые, в свою очередь, корреспондируют ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В рамках уголовного процесса законодатель, опираясь на вышеуказанные нормы Конституции РФ, с целью создания благоприятных условий для реализации защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, предусмотрел возможность применения принуждения, связанного с ограничением конституционных прав граждан.

Анализируя действующий уголовно-процессуальный закон, можно усмотреть, что одним из видов процессуального принуждения является ограничение телесной неприкосновенности при производстве следственных и иных процессуальных действий, потребность в применении которого обусловлена возникновением уголовно-процессуального конфликта, выражающегося в форме отказа от совершения действий или нарушений запретов, предписанных уголовно-процессуальным зако-

ном, со стороны участников уголовного судопроизводства.

Законодатель упоминает о возможности физического воздействия в нормах, регулирующих производство следственных действий. Например, по смыслу ст. 182-183 УПК РФ обыск и выемка могут проходить как с согласия лица, так и принудительно. Однако выбор способа физического принуждения остается на усмотрение следователя. Позицию законодателя поддерживает и Конституционный Суд РФ¹. При этом отметим, что в ч. 2 ст. 9 УПК РФ законодатель указывает: насилие, пытки, другое жестокое или унижающие человеческое достоинство обращение запрещены. Таким образом, закон устанавливает лишь весьма абстрактные рамки допустимого принуждения, не раскрывая конкретных аспектов, утвердительно допускает возможность физического воздействия, но не прописывает правила его применения.

Отсутствие детальной регламентации оснований, условий, порядка и пределов применения физического принуждения при производстве следственных действий как следствие порождает систему правовых и организационных проблем.

- отсутствие правовых гарантий законности и обоснованности ограничения права на личную неприкосновенность;
- необоснованное уголовное преследование или наоборот его прекращение;
- признание результатов следственного действия недопустимыми доказательствами;

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фоминского Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 564-О-О // СПС Консультант-Плюс.